

В.В. Матвеев

д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск

ИДЕОЛОГИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема становления и развития институтов в зависимости от господствующей в данном обществе идеологии. Отмечается актуальность данной проблемы в современных условиях. Выбор акторов определяется не только их экономическими интересами. Во многих случаях окончательный выбор – это реакция на систему принятых в данном обществе идеологических предпочтений. Это объясняется тем, что любое решение приходится принимать в условиях неопределенности и непрерывно изменяющейся ситуации. Предложено авторское видение роли идеологии на процесс принятия решений.

Ключевые слова: институты, институциональные изменения, экономика, идеология, экономический рост.

Классификация JEL: B14, B 25, D72.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10202

Современная российская экономика переживает нелегкие времена. Темпы экономического роста никоим образом не могут быть признаны удовлетворительными, что крайне негативно влияет на социально-политическую ситуацию. Так, согласно прогнозам Центра развития НИУ ВШЭ, темпы роста ВВП не превысят 1,6–1,9% в ближайшие три года, что значительно ниже предполагаемого базового прогноза Минэкономразвития России. Рост российского ВВП замедлится до 1,3% в 2019 г. и незначительно ускорится до 1,6% в 2020 г. и до 1,9% в 2021 г. Особо авторы данного прогноза отмечают неутешительную динамику цен на нефть Urals. Согласно прогнозу она подешевеет с 71 долл./барр. в 2018 г. до 63 долл. к 2021 г. [Экономисты назвали главные риски..., 2019].

В апреле 2019 г. Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ предоставил «Обзор Российской экономики». По оценке НИФИ, темп роста российской экономики составил 0,6% г/г в марте 2019 г. и 1,0% г/г по итогам I квартала 2019 г.. К замедлению темпов экономического роста в I квартале текущего года привело ухудшение динамики в большинстве секторов, в том числе добыче полезных ископаемых, строительстве, сельском хозяйстве и розничной торговле. Кроме того, темпы роста инвестиций в основной капитал в I квартале 2019 г. снизились до 1,2% после 2,9% в IV квартале 2018 г. [Обзор Российской экономики..., 2019].

Данная информация позволяет утверждать, что поиск путей выхода из системного кризиса уже давно является стратегической задачей для России. В этих условиях никоим образом нельзя игнорировать результаты теоретических исследований ученых-экономистов, которые нашли свое практическое подтверждение в форме разработки и практической реализации результативной экономической политики, что, в свою очередь, привело к улучшению социально-политической ситуации в стране.

Следует согласиться с лауреатом Нобелевской премии по экономике Дугласом Нортом, что, хотя научное сообщество в течение многих лет было занято поиском ответа

на вопрос о причинах и следствиях эффективного развития национальной экономики, до сих пор нет удовлетворительного объяснения этого процесса. Различные экономические теории не смогли выявить и внятно объяснить принципиальные различия в функционировании различных форм организации человеческого общества и отдельных национальных экономик. Это утверждение справедливо как по отношению к краткосрочному, так и долгосрочному периоду времени. Д. Норт жестко и недвусмысленно утверждает: «Экономическая парадигма – неоклассическая теория – создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (при том, что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли» [Норт, 2010. С. 7].

По мнению Д. Норты, неоклассической теории присущи три принципиальных недостатка: во-первых, эта теория исходит из нулевых трансакционных издержек («беспрепятственности»), во-вторых, статична (не задействует фактор времени) и, в-третьих, не зависит от человеческой интенциональности. В то время как «действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков» [Там же. С. 103].

А. Заостровцев весьма образно пишет по этому поводу: «В результате математическое моделирование социальных изменений, основанное на абстрактных неоклассических постулатах, равносильно по своей эффективности использованию рельсоукладчика в качестве заменителя газонокосилки. Неадекватность реальности статичной картины мира из неоклассического учения обнаруживает себя всякий раз, когда опирающийся на него экономист выступает в роли “советника князей”: дает рекомендации для практической политики» [Заостровцев, 2013. С. 18].

Теория Норты представляет собой образец критического восприятия устоявшейся системы взглядов, способности ученого отказаться от устоявшейся системы взглядов, критика которых невозможна в принципе.

Здесь уместно вспомнить когда-то знаменитую фразу Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [Ленин, 1913. С. 43]. Адепты коммунистической идеи в Советском Союзе использовали данную фразу для недопущения любой, даже минимальной критики теории коммунизма. Во многом это напоминает современную ситуацию, когда идет речь о критике неоклассической теории.

В 1960-х гг. Норт отдает предпочтение стандартным моделям экономического роста, которые базировались на оценке трех факторов: труд, капитал и технологии.

В своей первой, в настоящее время достаточно хорошо известной работе Норт [North, 1961] рассматривает экономическую историю США. Он пытается дать ответ на вопрос о причинах, предопределивших становление современной и эффективной экономики США, первоисточником которой были весьма отсталые поселения первых колонистов. Норт отметил расширение экспортной торговли и развитие внутренних рынков, которые, по его мнению, выступали в качестве определяющих факторов, запустивших процесс эффективного экономического роста в США. Никакой речи о понятиях «институт» и «собственность» в данной работе не идет.

Итогом посещения музея морской истории в Нидерландах было написание статьи [North, 1968] «Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850», которая для 60-х гг. прошлого столетия стала настоящим прорывом в оценке причин и последствий экономического развития. Норт отметил, что сама конструкция морских судов не претерпела каких-то существенных технологических изменений. Однако суда несли намного меньше артиллерийского вооружения. Это стало следствием существенного снижения пиратства.

Итогом этого было уменьшение численности экипажа, отпала необходимость в большом количестве хорошо подготовленных артиллеристов. Значительно сократились расходы на страхование грузов, уменьшились затраты времени на пребывание в порту загрузки-разгрузки. В конечном итоге это привело к существенному расширению товарных рынков.

В этой статье Норт озвучивает по-настоящему революционную для того времени идею о том, что не только технология может быть драйвером экономического развития. Огромную роль играют институциональные факторы, которые позволяют существенным образом сокращать трансакционные издержки.

Однако Норту предстояло дать ответ на достаточно сложный вопрос о причинах институциональных изменений. Для этого Норт переходит к исследованию экономических процессов, которые происходят за пределами США. Итогом этих исследований были две совместные публикации [North, Davis, 1971; North, Thomas, 1973].

В книге, написанной в соавторстве с Дэвисом, «Institutional Change and American Economic Growth» появление и развитие институциональных инноваций объясняется тем, что ожидаемая чистая прибыль от инноваций должна превышать ожидаемые затраты. Аналогичная точка зрения высказывается и в совместной с Томасом книге «The Rise of the Western World: A New Economic History», где снова была отмечена определяющая роль организационных и институциональных изменений в экономическом развитии: «Эффективная организация является источником создания новых институтов и прав собственности, которые создают стимулы для осуществления экономической деятельности, которая приносит высокую норму прибыли» [North, Thomas, 1973. P. 1].

Обе эти работы можно признать новаторскими по той причине, что здесь применительно к экономической истории широко используется институциональный анализ, особое внимание уделяется институциональным изменениям. Однако в то же время они не свободны от парадигмы неоклассической экономики.

Норта начинает интересовать вопрос о причинах того, почему принципиальные различия в темпах развития разных стран и уровня благосостояния их населения сохраняются в течение длительного периода времени. Как справедливо отмечает А. Заостровцев: для этого Норту было необходимо отказаться от мысли о ходе истории как прогрессе институтов: от менее эффективных – к более эффективным. И попытаться дать ответ на очень сложный вопрос, почему неэффективные институты очень часто являются долгожителями [Заостровцев, 2013. С. 7].

Итогом этих исследований выступила принципиально новая по своим идеям для конца 70-гг. XX в. монография «Structure and Change in Economic History», в которой Норт особо выделяет роль идеологии как стратегического фактора в продвижении или сдерживании изменений в институциональных правилах. Особенно значима роль идеологии, когда речь идет о поведении больших групп, где действия участников контролируются общепринятыми системами идеологических предпочтений [North, 1981. P. 12].

Норт отмечает, что достаточно часто идеологические правила оказываются для участников каких-то действий более важными по сравнению с затратами и возможными выгодами. Таким образом, понимание причин как институциональной стабильности, так и институциональных изменений требует обязательного учета идеологических факторов. Действительно, индивидуальное или коллективное поведение во многих случаях невозможно объяснить только стремлением к выгоде. Хотя данное утверждение является определяющим для неоклассической теории [Ibid. P. 58].

Норт не обошел своим вниманием и теорию Маркса, который попытался соединить технологические и институциональные изменения. Норт весьма положительно отзывается о попытке Маркса увязать в единое целое развитие производительных сил с изменениями в системе производственных отношений. Маркс рассматривал эту проблему с точки зрения существующих технологических пределов и ограничений с пределами и ограничениями

человеческой организации. В то же время отмечается утопизм теории Маркса, т.к. для достижения необходимых результатов «потребовалось бы внести фундаментальные изменения в человеческое поведение» [Ibid. P. 169]. Однако это невозможно именно по идеологическим причинам. Кстати, крах коммунистического эксперимента в СССР и странах так называемой «народной демократии» служит яркой иллюстрацией справедливости данного утверждения.

В следующей своей монографии Норт [North, 1990] прямо указывает на то, что «... до сих пор не разработаны аналитические принципы, которые позволили бы включить институциональный анализ в теорию экономики и экономическую историю» [Ibid. P. 18].

Дальнейшим шагом в анализе взаимосвязи между идеологией и институтами была статья «Economic Performance through Time», опубликованная в 1994 г., в которой Норт прямо указывает на то, что убеждения (идеология) напрямую влияют на формирование социальных и экономических институтов: формальные правила и неформальные нормы поведения [North, 1994. P. 363]. Таким образом, формируется двусторонняя положительная обратная связь между институтами и убеждениями. Это может существенным образом препятствовать процессу замены одних институтов на другие: «Большинство обществ на протяжении всей истории «застревали» в определенной институциональной матрице, которая становится существенным препятствием для получения выгоды от специализации и разделения труда. Общества, которые «замирают» в процессе своего развития представляют собой воплощение консервативных верований и институтов. Эти общества не в состоянии решать новые, все более и более, сложные проблемы» [Ibid. P. 364].

В своей работе «Понимание процесса экономических изменений» [Норт, 2010], опубликованной на Западе в 2005 г., полемика Нортона со сторонниками неоклассической теории становится еще более жесткой. Выше мы уже приводили цитату из этой работы: «... неоклассическая теория – создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений...» [Норт, 2010. С. 7]. Затем следует вывод о том, что «эволюция человеческого общества направляется представлениями игроков; выбор совершается в свете этих представлений с намерением добиться результатов, снижающих неопределенность, с которой сталкиваются организации – политические, экономические и социальные. Поэтому экономические изменения по большей части являются сознательным процессом, формируемым представлениями участников о последствиях их действий [Там же. С. 8–9].

Особо отмечается стратегическая роль обучения и знаний. Процесс обучения никоим образом нельзя трактовать только как накопление человеком опыта в течение своей жизни. В качестве обязательного элемента обучение включает в себя совокупный опыт прошлых поколений, т.е. все то, что составляет идеологию общества, которая, в свою очередь, не только определяет эффективность общества в данный момент времени, но во многом предопределяет его будущее развитие. Таким образом, идеология напрямую влияет на формирование системы сдержек и стимулов для противников и сторонников процесса любых общественных изменений.

Постановка проблемы обучения в любом обществе представляет собой ответы на следующие вопросы:

- ▶ как и чему учатся люди;
- ▶ каким образом полученные знания распространяются в обществе;
- ▶ какова специфика процесса постепенного изменения представлений и предпочтений людей в зависимости от полученных знаний;
- ▶ каким образом изменения в знаниях оказывают влияние на экономическую эффективность.

Действительно, принципиальные различия в эффективности различных стран однозначно свидетельствуют о том, что идеология является стратегическим фактором, непосредственно влияющих на эффективность известных в истории экономик и государств.

Идеологические убеждения, которые разделяют большинство политических и экономических акторов, определяют выбор конкретного варианта экономической и иной политики, проводимой в данной стране. Тем самым формируется система институтов, определяющих экономическое и политическое поведение. Итогом этого становится институциональная матрица, накладывающая серьезные ограничения на возможности выбора для политических лидеров страны, которые с целью улучшения своих политических и/или экономических позиций предпринимают попытки модернизации существующих институтов, либо приступают к созданию новых.

В результате возникает ситуация, получившая название «эффект колеи» (path dependence), итогом которой является то, что изменения институтов в подавляющем большинстве случаев становятся медленными и постепенными, хотя редкие радикальные и неожиданные институциональные изменения наводят на мысль о том, результатом подобных изменений может стать изменение институциональной матрицы, а следовательно, идеологические изменения. Решающая роль в понимании процесса институциональных изменений принадлежит интенциональности акторов, заинтересованных в институциональных изменениях. Однако здесь снова следует отметить, что идеология тех, кто выступает за изменения, всегда отличается от общепринятой в данном обществе системы взглядов.

Мизес утверждает, что люди в своей деятельности руководствуются определенными ценностными суждениями, и здесь не может быть никакой почвы для разногласий. Отсюда следует вывод о невозможности использовать методы точных наук для оценки экономических процессов: «Здесь мы сталкиваемся с одним из основных различий между физикой и химией, с одной стороны, и науками о человеческой деятельности – с другой». И далее – в мире физики и химии «существуют постоянные зависимости между величинами, и человек способен открыть эти постоянные с разумной степенью точности... Аналогичные постоянные зависимости отсутствуют в сфере человеческой деятельности» [Мизес, 2005. С. 55]. В этом произведении Мизес достаточно подробно аргументирует свое мнение по данному вопросу [Мизес, 2005. С. 112, 329–335, 354–355, 657–658, 665–669].

Хайек отмечает широко распространенное ошибочное представление о том, что «есть какие-то чисто экономические задачи, изолированные от других жизненных задач. Но за исключением, быть может, случаев патологической скупости и стяжательства, таких задач просто не бывает. Конечные цели деятельности разумных существ всегда лежат вне экономической сферы. Строго говоря, нет никаких «экономических мотивов», ибо экономика – это только совокупность факторов, влияющих на наше продвижение к иным целям» [Хайек, 2005. С. 104].

Таким образом, Мизес и Хайек высказывают солидарную точку зрения о стратегической роли идеологии.

В то же время основатели неоклассической школы (Джевонс, Вальрас, Эджуорт, Парето, Фишер), как отмечает Заостровцев, не скрывали, что произведенная ими революция в экономической теории осуществлена в результате стремления выстроить ее по образцу физики XIX в. [Заостровцев, 2013. С. 15]. Это позволяло рассматривать экономические проблемы точно так же, как рассматриваются проблемы в точных науках: физике и математике.

По мнению Ф. Майровски, «экономисты-неоклассики воспринимали друг друга в первую очередь как математиков-теоретиков; и когда они начинали отстаивать свои работы, это принимало форму защиты «математического метода» в контексте экономической теории» [Майровски, 2012. С. 101].

В настоящее время идею о возможности трактовать экономику как физику и математику отстаивает Р. Солоу (R. Solow): «У меня складывается ощущение, что лучшее и наиболее яркое в нашей профессии работает так, как если бы экономика была бы физикой

общества. Существует лишь одна общезначимая модель мира. Все, что нужно сделать, это применить ее» [Solow, 1985. P. 330].

Однако, как свидетельствует опыт развития цивилизации, в принципе невозможно объяснить развитие той или иной страны, основываясь на концепции о рациональности мира, согласно которой, если акторы по какой-то причине принимают неверные решения, то через механизм рыночной конкуренции рано или поздно происходит изменение выбора в пользу выгодного варианта. Естественно, что в данной модели институты однозначно играют второстепенную роль. Норт отмечает ошибочность модели, согласно которой «в экономическом анализе допустимо игнорировать институты, поскольку они не играют самостоятельной роли в определении экономического поведения» [Норт, 1997. С. 33].

По мнению Норта, взлет и крушение Советского Союза представляет собой наглядную иллюстрацию того, когда идеология, которая уже не соответствует экономическим реалиям, продолжает играть определяющую роль. Норт отмечает, что пример СССР позволяет увидеть:

- 1) механизм взаимоотношений между представлениями – тем, как они формируются, и тем, как опыт видоизменяет данную структуру представлений;
- 2) роль структуры принятия политических решений при определении того, чьи именно представления воплощаются в жизнь;
- 3) «институционализацию» представлений и убеждений через формальную структуру принятия правил;
- 4) обратную связь с последствиями конкретной институциональной политики;
- 5) те факторы, которые определяют эффективность этой обратной связи в смысле корректировки той политики, которая принесла непредвиденные или нежелательные последствия» [Норт, 2010. С. 210].

Как известно, Маркс и Энгельс предложили принципиально новую для середины XIX в. идеологию, суть которой сводится к утверждению о неизбежности коммунистической революции, итогом которой будет экспроприация частной собственности, создание единого национального банка, централизация транспорта в руках государства, создание государственных заводов и фабрик и промышленных армий. Переход от капиталистической общественной формации к коммунистической будет совершаться насильственным путем в форме господства диктатуры пролетариата. В будущем, после ликвидации капиталистических отношений, на место диктатуры пролетариата постепенно придет «ассоциация индивидов» [Маркс, Энгельс. 1955].

При этом Маркс не оставил сколь-нибудь подробного сценария создания нового коммунистического общества. Однако его базовые идеологические модели, особенно в отношении ликвидации частной собственности, денег и предпринимательской деятельности, не подлежали никакой критике.

Ленин свято верил в то, что сразу после революции достаточно легко удастся отказаться от рыночных инструментов экономического регулирования: товар, деньги, цена, прибыль, заработная плата. Проблемы нового общества предполагалось решить при помощи политики «военного коммунизма». Конечный итог хорошо известен: под сомнение была поставлена сама возможность существования государства «рабочих и крестьян». Ситуация вынудила Ленина к отказу от политики «военного коммунизма» и НЭПу.

Ленин был вынужден признать: «...мы сделали ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по фабрикам и заводам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение... Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась

основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года» [Ленин, 1921. С. 157, 159].

Фактически это означало признание того печального для Ленина факта, что негативные стимулы по отношению к рабочим и крестьянам привели к неожиданным для партии большевиков, но вполне закономерным результатам. Идеологическая верность постулатам марксизма не могла закончиться каким-то иным образом.

Аналогичная ситуация имела место и в сфере образования. Как известно, новые знания составляют основу любых институциональных изменений. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения»: Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16-ти лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы [Законы о вузах..., 1918–1922]. На практике это означало, что в вуз мог поступить человек, который не умел ни читать, ни писать. В июне 1921 г. утверждаются новые Правила приема в высшие учебные заведения, в которых провозглашался классовый принцип приема студентов в вузы [Купайгородская, 1984. С. 127]. Молодые люди с «плохой» анкетой уже не могли поступить в вуз. На льготных условиях принимались лица, закончившие рабфак, лица физического труда, члены партии и комсомольцы, а так же поступающие с направлениями от различных государственных и общественных организаций.

Ленин писал по этому поводу следующее: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. Но мы ... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [Ленин, 1917. С. 315].

В книге Л.Л. Кербера, специалиста в области авиационного оборудования, сотрудника ОКБ Туполева можно найти весьма интересный факт. В 1927 г. он не прошел мандатную комиссию для поступления в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского по формальной причине: его отец и родной брат матери были вице-адмиралами Императорского военно-морского флота России. Впоследствии Керберу было сказано: «Приказано не пускать классово чуждых юношей в вузы. А как это повлияло на качество будущих военных специалистов – на это есть высшее руководство» [Кербер, 1999. С. 116].

Необходимо отметить, что здесь речь идет о производстве военной продукции. Тем не менее качество образования было принесено в жертву идеологическим догмам.

После смерти Сталина достаточно быстро руководство Советского Союза признало сам факт необходимости осуществления экономических реформ. Однако принципиальные реформы, конечная цель которых – уменьшение роли государства в экономике, не были осуществлены. Главная причина – верность классовой идеологии. Попытки мелких реформ, которые не затрагивали самой сути советской экономики, не могли привести к достижению желаемого результата: обеспечение нового качества экономического роста. В итоге в СССР сохранялись в неприкосновенности существующие институты, которые уже абсолютно не соответствовали требованиям второй половины XX в.

Одним из итогов гибели Советского Союза стала уверенность в том, что переход к рыночной экономике позволит в относительно краткие с исторической точки зрения сроки создать эффективную экономику и новую систему институтов. Однако этого не случилось.

Как верно пишет по этому поводу А.Заостровцев: в России в очередной раз победила архаика, адаптировавшаяся к индустриальному обществу. «Новая архаика оказалась в состоянии не только ассимилировать продукты материального прогресса, но и развивать их в тех областях, которые обеспечивали эффективное военное противостояние модернизированным обществам. Осуществлялось же все это научно-техническое развитие в рамках новых общественных отношений, провозглашавшихся посткапиталистическими, но на деле являвшихся взрывной мутацией докапиталистических социальных связей» [Заостровцев, 2015. С. 11].

Правление императора Александра III – это попытка затормозить ход исторического развития. Это пример восстановления архаических, в данном случае феодальных, методов управления в стране, в которой быстрыми темпами развивались капиталистические рыночные отношения. Одним из идеологов восстановления архаичных институтов был предводитель дворян Алатырского уезда Симбирской губернии А.Д. Пазухин. Его идеал – это порядок управления, который имел место при царе Алексее Михайловиче. Свою программу А.Д. Пазухин изложил в статье «Современное состояние России и сословный вопрос». Он утверждал, что великое зло реформ Александра II – это урезание сословных прав дворянства: Россия может выбраться на прямую историческую дорогу, только избрав вариант удовлетворения потребностей сословных корпораций: «Реформа земских и городских учреждений должна состоять в замене бессословного начала сословным, в установлении представительства от сословий вместо представительства от случайных групп разного рода имущественников. Такая реформа, безусловно, необходима в интересах государственной политики. Русские сословия суть исторические союзы, политическая нравственность которых выработана продолжительной дисциплиной и никакому сомнению не подлежит» [Пазухин, 1886. С. 59]. В результате вместо движение вперед, стране было навязано движение назад, что было одной из причин событий 1917 г.

Именно об этом пишет Д. Норт: «Устойчивость институциональной системы ни в коей мере не гарантирует эффективность институтов. Хотя стабильность может быть необходимым условием для сложного человеческого взаимодействия, она, конечно, не является достаточным условием эффективности» [Норт, 1997. С. 109].

Не следует воспринимать ход истории с излишним оптимизмом: «Число неудач намного превосходит число успехов. Экономический рост был исключением, а правилом – стагнация и упадок, отражавшие хроническую тенденцию к организационным провалам. И успехи, и неудачи отражают не только институционально-организационные характеристики общества, но и представления, идеи, идеологии – все то, чем руководствуются люди, действуя и совершая выбор» [Норт, 2010. С. 193].

Подведем некоторые итоги: цивилизация в целом и отдельно взятые страны никогда не развивались и не будут развиваться точно в соответствии с экономическими, философскими и политическими теориями. Реальная жизнь намного сложнее любой теории. Однако обсуждение проблемы соотношения экономических и идеологических институтов однозначно свидетельствуют о том, что данная проблема имеет место. Более того, во многих случаях именно идеология становится стратегическим фактором общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Законы о вузах. 1918–1922 гг. Декрет СНК о правилах приема в высшие учебные заведения. 02.08.1918 г. xn--e1aaejmenosq.xn--p1ai/node/13755 (дата обращения: июль 2019 г.)
- Заостровцев А.П. (2013). Дуглас Норт: постижение истории. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев А.П. (2015). Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Кербер Л.Л. (1999). Туполев. СПб.: Политехника.
- Купайгородская А.П. (1984) Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984.
- Ленин В.И. (1913). Три источника и три составных части марксизма. ПСС. 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат. С. 42–48.
- Ленин В.И. (1917). Удержат ли большевики государственную власть? ПСС. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат. С. 289–339.
- Ленин В.И. (1921). Новая экономическая политика и задачи политпросветов. ПСС. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 155–175.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economicus. Т. 10. № 1. С. 100–116. institutional.narod.ru/papers/mirowski2012.pdf (дата обращения: июль 2019 г.)
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат. С. 419–459.
- Мизес Л. фон (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики.
- Обзор Российской экономики. Апрель 2019 года (2019). Сайт НИФИ Министерства финансов РФ. nifi.ru/images/FILES/Overviewoftherussianeconomy/overviewoftherussianeconomy.pdf (дата обращения: июль 2019 г.)
- Пазухин А.Д. (1886). Современное состояние России и сословный вопрос. dlib.rsl.ru/01003550454 (дата обращения: июль 2019 г.).
- Хайек Ф. А. фон. (2005). Дорога к рабству. М.: Новое издательство.
- Экономисты назвали главные риски для экономики России в 2019 году (2018). Сайт информационного агентства РБК. www.rbc.ru/economics/24/11/2018/5bf7e7449a7947baac456f6f (дата обращения: июль 2019 г.)
- North D.C. (1961). The Economic Growth of the United States, 1790–1860, New York: Prentice Hall.
- North D.C. (1968). «Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 //Journal of Political Economy, 76(5). Pp. 953–970.
- North D.C., Davis L.E. (1971). Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C., Thomas R.P. (1973). The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (1981). Structure and Change in Economic History. N.Y.; L.: W.W. Norton & Comp.
- North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York: Cambridge University Press.
- North D. C. (1994). Economic Performance through Time // American Economic Review, 84(3). Pp. 359–367.
- Solow R.M. Economic History and Economics//American Economic Review. 1985. No. 75 (2) (May). Pp. 328–331. www.wiwi.hu-berlin.de/de/professuren/vwl/wg/economic-history-research/think-links/solow1985economic-history-and-economics.pdf (дата обращения: июль 2019 г.).

Матвеев Владимир Валентинович

mtv956@yandex.ru

Vladimir Matveev

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

mtv956@yandex.ru

IDEOLOGY AS A STRATEGIC FORMATION FACTOR AND DEVELOPMENT INSTITUTIONS

Abstract. The article deals with the problem of the formation and development of institutions, depending on the state ideology in a given society. The urgency of this problem in modern conditions is noted. The choice of actors is determined not only by their economic interests. In many cases, the final choice is a reaction to the system of ideological preferences adopted in a given society. This is explained by the fact that any decision has to be taken in the face of uncertainty and a continuously changing situation. The author's vision of the role of ideology in the decision-making process is proposed.

Keywords: *institutions, institutional changes, economics, ideology, economic growth.*

JEL Classification: B14, B 25, D72.

REFERENCES

- Ekonomisty nazvali glavnye riski dlya ekonomiki Rossii v 2019 godu [Economists have identified the main risks to the Russian economy in 2019] (2018). Sajt informacionnogo agentstva RBK. www.rbc.ru/economics/24/11/2018/5bf7e7449a7947baac456f6f (Access date: 15.07.2019).
- Hayek F. A. *fon*. (2005). Doroga k rabstvu [The road to slavery]. M.: Novoe izdatel'stvo.
- Kerber L.L. (1999). Tupolev. SPb.: Politekhnik.
- Kupajgorodskaya A.P. (1984) Vysshaya shkola Leningrada v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925 gg.) [The Higher School of Leningrad in the early years of Soviet power (1917–1925)]. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1984.
- Lenin V.I. (1913). Tri istochnika i tri sostavnyh chasti marksizma. P.S.S. 5-e izd. [Three sources and three components of Marxism]. T. 23. M.: Politizdat. S. 42–48.
- Lenin V.I. (1917). Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennuyu vlast'? P.S.S. 5-e izd.. T. 34 [Will the Bolsheviks hold state power?]. M.: Politizdat, S. 289–339.
- Lenin V.I. (1921). Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov. P.S.S. 5-e izd. T.m 44 [New economic policy and the tasks of political enlightenment]. M.: Politizdat. S. 155–175.
- Majrovski F. (2012) Fizika i «marzhinalistskaya revolyuciya» [Physics and the “Marginalist Revolution”] // Terra Economicus. T. 10. № 1. S. 100–116. institutional.narod.ru/papers/mirowski2012.pdf (Access date: 15.07.2019).
- Marx K., Engels F. (1955) Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Sochineniya. 2-e izd. M.: Politizdat. S. 419–459.
- Mizes L. *fon* (2005). Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ekonomicheskoy teorii [Human activity: a treatise on economic theory]. Chelyabinsk: Socium.
- North D. (1997). Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala».
- North D. (2010). Ponimanie processa ekonomicheskikh izmenenij [Understanding the Process of Economic Changes]. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej shkoly ekonomiki.
- North D. (1961). The Economic Growth of the United States, 1790–1860. New York: Prentice Hall.
- North, D. (1968). Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 // Journal of Political Economy, 76(5). Pp. 953–970.
- North D., Davis L. (1971). Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D., Thomas R. (1973). The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. (1981). Structure and Change in Economic History. N.Y.; L.: W.W. Norton & Comp.
- North D. (1990). Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York: Cambridge University Press.
- North, D. (1994). Economic Performance through Time // American Economic Review, 84(3). Pp. 359–367.
- Obzor Rossijskoj ekonomiki. Aprel' 2019 goda [Overview of the Russian economy. April 2019] (2019). Sajt NIFI Ministerstva finansov RF. nifi.ru/images/FILES/Overviewoftherussianeconomy/overviewoftherussianeconomy.pdf (Access date: 15.07.2019).

- Pazuhin A.D.* (1886). *Sovremennoe sostoyanie Rossii i soslovnij vopros* [The current state of Russia and the estate issue]. dlib.rsl.ru/01003550454 (Access date: 15.07.2019).
- Solow R.M.* *Economic History and Economics* // *American Economic Review*. 1985. No. 75 (2) (May). Pp. 328–331. www.wiwi.hu-berlin.de/de/professuren/vwl/wg/economic-history-research/think-links/solow1985-economic-history-and-economics.pdf (Access date: 15.07.2019).
- Zakony o vuzah. 1918–1922 gg.* [Laws on universities. 1918–1922] *Dekret SNK o pravilah priema v vysshie uchebnye zavedeniya. 2.8.1918 g.* xn--e1aaejmenocq.xn--p1ai/node/13755 (Access date: 15.07.2019).
- Zaostrovcev A.P.* (2013). *Duglas Nort: postizhenie istorii* [Douglas North: Understanding History]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zaostrovcev A.P.* (2015). *Konceptual'nye al'ternativy teorii modernizacii: rossijskie koncepcii* [Conceptual alternatives to the theory of modernization: Russian concepts]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.